

Посвящается Марше

Один мир за одну жизнь.
Торо¹, на своем смертном одре

¹Торо, Генри Дэвид (1817–1862) — американский писатель, философ, публицист, натуралист и поэт (*здесь и далее прим. переводчика*).

∞

Часть первая

∞

Глава 1

— Мы очень сочувствуем вам, мистер Моран. Такая утрата, — сказал полицейский, протягивая мне белый пластиковый стаканчик с кофе. В руке у него был еще один стаканчик кофе, и полицейский ел обсыпанный сахарной пудрой пончик, оставивший у него на усах белый налет, похожий на свежевypавший снег.

Я ничего не сказал. Я сидел оглушенный и оцепеневший, словно очутился в коме, из которой, возможно, мне было уже не выйти. Холод вызывал дрожь. Мою грязную, промокшую одежду забрали, а голое тело укутали шерстяным одеялом, но толку от этого было мало. Женщина-полицейский, живущая по соседству, предложила выстирать и высушить мою одежду и принести ее утром. Глубокие порезы у меня на руках и ногах обработали антисептиком и забинтовали, но я все равно ощущал резкую боль. Я постоянно откашливался, каждый раз при этом чувствуя во рту вкус реки.

Похожий на вкус смерти.

— То слишком мало, то перебор, — сказал полицейский.

Ему было лет сорок, круглолицый, с остатками темно-русых волос на голове. На одной ноздре у него была большая

родинка, которая так и притягивала взгляд. Пухленький, чистенький, равнодушный — полицейский, проводящий ночи за столом в дежурной комнате. Двое других полицейских, молодые и поджарые, нашли меня в поле, с текущими по лицу струями дождя, смешанными со слезами.

Где я находился?

Что это за город?

Я не имел понятия. Сюда меня привезли полицейские, но ничего этого я не помнил. Я помнил только, как кричал, окликая Карли по имени, когда меня тащили прочь. А она по-прежнему оставалась где-то там, в воде.

— То слишком мало, то перебор, — снова сказал полицейский. — В этом году все лето такое. Май и июнь выдались сухими, ни капли дождя. Фермеры с ума сходили. Земля высохла, стала твердой как камень. А когда такой ливень, как сейчас, вся вода просто стекает в ручей. Земля не способна принимать так быстро столько влаги.

Он был прав. Мой дед вырос на равнинах Северной Дакоты, где каждую весну после таяния снегов случались паводки, и он предостерегал нас насчет рек: «Никогда не доверяй рекам, Дилан. Дай реке хоть малейшую возможность, и она тебя убьет».

Мне следовало бы прислушаться к его словам.

— Извините, что в такое время пришлось заниматься всей этой писаниной, — продолжал полицейский. Кажется, его фамилия была Уоррен, но я даже не мог поднять голову, чтобы прочитать нашивку на его рубашке. — Понимаю, сейчас вы об этом меньше всего думаете, но когда человек умирает, приходится выполнить массу формальностей. Таков порядок. Как я уже говорил, я вам очень сочувствую.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

— Спасибо. — Я с трудом узнал собственный голос. Он совсем не был похож на мой.

— Вы не могли бы еще раз повторить, как звали вашу жену?

— Карли Чанс.

— У вас разные фамилии?

— Да.

— Сколько ей было?

— Двадцать девять лет.

— А вам?

— Мне тридцать два.

— Вы проживали в Чикаго?

— Да.

— Что привело вас в эту часть штата?

«Дилан, давай уедем на несколько дней. Знаю, ты расстроен и зол, и у тебя есть на то все основания, но нам нужно начать все сначала».

— Простите, что вы сказали?

— Я спросил, как вы оказались в этой части штата?

— На выходные мы уехали из города, — ответил я. — У знакомой Карли есть дом в Бигнеке.

— Чем вы занимаетесь в Чикаго, мистер Моран?

— Я менеджер по организации мероприятий в гостинице «Ласаль плаза».

— А ваша жена?

— Карли работает у своей матери. Она агент по недвижимости. Была, — помолчав, добавил я.

Запахнув остатки пончика в рот, Уоррен начисто вытер усы салфеткой. Все это время он делал пометки в желтой записной книжке, мурлыча себе под нос. Я обвел взглядом комнату для допросов: облупившаяся кремовая краска на стенах, окон нет. Уоррен сидел по одну сторону

шаткого дубового стола, настолько старого, что на дереве сохранились следы от загашенных сигарет. Я сидел по другую сторону, укутанный в одеяло, словно младенец. Я не мог доверять своим органам чувств. Когда я дышал, я ощущал лишь сырость воды в носу. Закрывая глаза, я всякий раз оказывался в машине, а река крутила нас, будто карусель.

— Вы сможете вернуться обратно в город? — спросил Уоррен. — Родственники, друзья, есть кто-нибудь, кто вас заберет?

Я не знал, что ему сказать. Близких родственников у меня не было. Мои родители умерли, когда мне было тринадцать лет. Это стерильная версия, которую я рассказываю людям; так значительно проще, чем признаться, что отец у меня на глазах убил мою мать, после чего покончил с собой. После этого я перебрался к бабушке. Эдгару сейчас девяносто четыре года, и машину он больше не водит. Мы с ним и ладим, и не ладим, если вы понимаете, что я хочу сказать. И так было всегда.

Что касается друзей, другом детства, который всегда вытаскивал меня из разных передряг, был Роско Тейт, и он умер четыре года назад, после того как вытащил меня из очередной передряги. В буквальном смысле. Это была та ночь, когда я познакомился с Карли. Я был весь в крови, рука сломана, нога сломана. Роско, мертвый, сидел за рулем, со сломанной шеей. Я решил, что тоже умер. Я посмотрел в разбитые окна машины и увидел ангела, смотрящего на меня: ее платье развевалось на ветру, рука тянулась, чтобы взять меня за руку. Ее тихий голос шептал, что помощь уже идет, что все будет хорошо, что она меня не оставит.

Это была Карли.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

И вот теперь ее больше нет. Еще одна авария.

— Если честно, у меня никого нет, — сказал я Уоррену.

— О, — ответил полицейский, топорща усы. — Ну, мы что-нибудь придумаем. Не беспокойтесь, мы доставим вас домой.

— Спасибо.

Пока мы сидели в комнате для допросов, дверь открылась. У полицейского на лице расцвело удивление, и он вскочил на ноги, стряхивая с плеч сахарную пудру. В дверях стояла женщина лет пятидесяти с лишним, миниатюрная и опрятная. Однако ее габариты несколько не умаляли излучаемую ею властность. Ее светлые волосы были забраны в тугий пучок на затылке, оставляя на лбу короткую челку. У нее были вежливые карие глаза, а на губах застыло спокойное, нейтральное выражение. Форма на ней слегка промокла, словно она вошла с улицы, однако все складки были наглажены.

— Господин шериф! — воскликнул Уоррен. — Прошу прощения, я не знал, что вы придете.

Шериф бросила на своего помощника нетерпеливый взгляд, красноречиво говоривший, что нет ничего удивительного в ее появлении в участке в четыре часа утра. Река вышла из берегов, в подопечном ей округе погибла женщина. В здешних краях это было серьезно.

— Ты свободен, Уоррен.

— Да, мэ.м.

Уоррен поспешно удалился, бросив на меня сочувствующий взгляд. Шериф села за стол и раскрыла папку, в которой лежало несколько листов. Бросив взгляд на верхнюю страницу, я увидел, что это донесение чикагской полиции. У меня не было сомнений в том, что в нем фигурирует моя фамилия.

БРАЙАН ФРИМАН

— Здравствуйте, мистер Моран, — сказала шериф. — Я шериф Синклэр. Примите мои глубочайшие соболезнования в связи с гибелью вашей жены.

— Благодарю вас.

Я прекрасно понимал, что в данных обстоятельствах ничего другого люди сказать не могут и после этих слов им становится лучше. «Я вам сочувствую». Но тому, кто только что потерял всё, смею вас заверить, легче от этого нисколько не становится.

— Я бы хотела, чтобы вы рассказали мне обстоятельства случившегося.

— Я уже все рассказал, шериф.

— Да, знаю, мои люди поработали с вами, и я понимаю, как вам нелегко, но было бы очень хорошо, если бы вы рассказали мне еще раз.

И я рассказал.

Я прокрутил все, словно фильм ужасов, от которого невозможно оторваться. Рассказал, как двухполосное шоссе исчезло, поглощенное иссиня-черной водой разлившейся реки. Как мы оказались в грязевом потоке, который извивался и брыкался точно морское животное. Как скользили по поверхности подобно танцору, пытающемуся выполнить пируэт, а затем перед машины нырнул вниз, и грязная вода заполнила салон.

— Все это ужасно, — сказала шериф Синклэр, когда я закончил. Все то время, пока я говорил, ее глаза не отрывались от моего лица. Почему-то у меня возникло ощущение, будто я подключен к детектору лжи у нее в голове, и датчики с каждым моим вдохом следят за моим сердцебиением. Она напомнила мне мою мать, которая также служила в полиции и определяла, когда я лгу, по одному лишь взгляду на мое лицо.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

— Вы знаете, с какой скоростью ехали, когда оказались в воде? — продолжала шериф.

«Дилан, помедленнее!»

— Прощу прощения, что?

— Вы знаете, с какой скоростью ехали, когда оказались в воде?

«Дилан, пожалуйста, помедленнее!»

— Нет, не знаю. Очевидно, слишком быстро. Я чересчур поздно заметил, что река вышла из берегов, и не успел остановиться.

— Машина утонула сразу же?

— Да.

— И вы оба оказались в ловушке?

— Да.

— Почему вам удалось выбраться из машины, а вашей жене — нет?

Я поморщился. У меня в голове мелькнула картина того, как машина выполнила под водой сальто. Пузырь воздуха вырвался из салона. Ближайшее ко мне стекло разлетелось вдребезги, и что-то вонзилось в салон подобно копыю.

— Ствол дерева воткнулся в машину, — объяснил я. — Я смог выбраться. Я попытался вытащить Карли, однако машина сместилась, вырывая ее из моих рук.

— Вы ныряли, чтобы помочь вашей жене?

— Конечно, нырял.

— В какой момент вы сдались?

— Я не *сдался*, шериф! — резко бросил я. — Я потерял сознание. Должно быть, в какой-то момент течение выбросило меня из воды. Когда я пришел в себя, я лежал на берегу и рядом были полицейские.

БРАЙАН ФРИМАН

— Понятно. — Шериф задвинула пальцами в папку документы. Ее тон оставался нейтральным, и все-таки я уловил в нем обвинение. — У меня к вам еще несколько вопросов, мистер Моран. Вы пили перед тем, как сесть за руль?

— Нет.

— Абсолютно ничего? Ни алкоголь, ни наркотики?

— Ваши помощники меня проверили. Тест оказался отрицательным.

— Да, знаю. Хотя, если быть точным, им потребовалось какое-то время, чтобы выполнить тест, так что результаты необязательно достоверные. Я проверила вас по базе данных. В таких случаях это обычное дело. В прошлом у вас были проблемы с алкоголем, не так ли? Я вижу два случая управления транспортным средством в состоянии опьянения.

— Это было несколько лет назад. Да, порой я выпиваю слишком много, однако вчера вечером я не пил.

— Хорошо.

Шериф Синклэр покрутила в пальцах карандаш. Ее взгляд по-прежнему был сфокусирован на мне, словно она оценивала сидящего перед ней человека. Мне всегда казалось, что женщины быстро составляют мнение о незнакомых мужчинах, хорошо это или плохо. За считанные секунды они решают, надежный он или нет.

— У вас крутой нрав, мистер Моран, не так ли?

— Прошу прощения?

— Я вижу, у вас в прошлом помимо пьянства за рулем задержания за физическое насилие. Драки в барах и тому подобное. Ваше досье указывает на то, что вы склонны вести себя необузданно.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

— Несколько раз я совершал ошибки, по пьяни, — подтвердил я. — Я глубоко сожалею об этом.

— Вы когда-нибудь били свою жену?

— Нет, я даже пальцем не тронул Карли или какую-либо другую женщину. Ни разу!

— Что насчет словесных оскорблений? Угроз?

— Никогда.

— Какими были у вас отношения?

«Дилан, прости, прости! Я совершила глупую ошибку. Ты сможешь когда-либо меня простить?»

— Что? — спросил я.

— Каким был ваш брак?

— Наш брак был замечательным, — солгал я. Что было глупо. Все знали о том, что случилось. Карли рассказала всё своей матери. Я рассказал коллеге по работе. Однако я не мог признаться вслух этой женщине-полицейскому, что моя жена была мне неверна.

— Ваша жена из состоятельной семьи, не так ли? Она ведь имеет отношение к компании «Чанс недвижимость»?

— Да, «Чанс недвижимость» принадлежит ее матери. Карли работала у своей матери. Но я не понимаю, шериф, какое это имеет отношение к случившемуся.

— Я просто хочу разобраться, что произошло. Вы ехали слишком быстро. Кто-то скажет, безрассудно. В прошлом у вас были случаи буйного поведения и пьянства за рулем.

У меня лицо залилось краской. Я почувствовал нахлынувший жар.

— Что за ахинею вы несете? Вы намекаете на то, что я умышленно направил машину в реку и бросил свою жену умирать?

— Я ни на что не намекаю.